УДК 811.112

DOI: 10.15593/2224-9389/2021.1.2

Г.А. Баева, М.А. Соколюк

Получено: 27.11.2020

Принято: 13.01.2021

Опубликовано: 28.04.2021

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

ФУНКЦИИ РАЗГОВОРНИКА КАК ТИПА ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РУССКО-НЕМЕЦКИХ И НЕМЕЦКО-РУССКИХ РАЗГОВОРНИКОВ)

Проведен сравнительный анализ немецко-русских и русско-немецких разговорников в контексте межкультурной коммуникации. Главная задача анализа заключается в том, чтобы сравнить межкультурные и лингвистические особенности немецко-русских и русско-немецких разговорников XX века и выявить их сходства и различия. Основное предназначение разговорника состоит в обеспечении минимального общения в несложных коммуникативных ситуациях при отсутствии знаний или при недостаточном знании иностранного языка. В отличие от словаря и грамматики в разговорнике система языка представлена набором готовых штампов, то есть продуктов речевой деятельности в виде определенных текстов, соотносящихся с реалиями и ситуациями в рамках картины мира соответствующего исторического времени и отражающих его лингвокультурологический и исторический контексты. Разговорники рассматриваются как тип текста, выполняющий различные функции: практическую, дидактическую, идеологическую, межкультурную и эстетическую. Кроме того, они служат источниками информации о языке и истории народа. Реализация данных функций зависит не только от целей разговорника, но также и от культуры определенного языкового сообщества, ибо разговорник представляет собой культурноспецифичный тип текста. Специфика развития этого типа текста определяется его промежуточным положением между справочной и лингвометодической литературой, что проявляется не только в особенностях функционирования, но в разнообразии терминов, определяющих этот жанр: «разговорник», «разговор», «беседа», в немецком Sprachbuch, Gesprächsbuch, Sprachführer, Konversationsbuch и т.п. Проведенный анализ актуален не только для лингвистики текста, но может также служить вкладом в формирование единообразных принципов построения бумажных и электронных разговорников.

Ключевые слова: *разговорник, тематическая группа, коммуникативная практика, межкультурная коммуникация, диалог, обращение, пословица, языковая картина мира.*

G.A. Baeva, M.A. Sokolyuk

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation

Received: 27.11.2020

Accepted: 13.01.2021

Published: 28.04.2021

FUNCTIONS OF A PHRASEBOOK AS A TYPE OF TEXT (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN-GERMAN AND GERMAN-RUSSIAN PHRASEBOOKS)

The article is devoted to a comparative analysis of German–Russian and Russian–German phrasebooks in the context of intercultural communication. The main task of the analysis is to compare the intercultural and linguistic characteristics of the German–Russian and Russian–German phrasebooks of the 20th century and identify their similarities and differences. The main purpose of the phrasebook is to ensure minimal communication in simple communicative situations in the absence of knowledge or insufficient knowledge of a foreign language. Unlike a dictionary and grammar, a phrasebook represents the language system as a set of ready-made clichés, i.e. products of speech activity in the form of certain utterances, correlating with realities and situations within the picture of the world of the related time interval and reflecting its linguocultural and historical context. Phrasebooks are viewed as a type of text that performs various functions: practical, didactic, ideological, intercultural and aesthetic. In addition, they serve as sources of information about the language and history of the people. The implementation of these functions depends not only on the goals of the phrasebook, but also on the culture of a particular linguistic community, because a phrasebook is a culturally specific type of text. The specificity of the development of this type of text is determined by its intermediate position between reference and linguo-methodical literature, which manifests itself not only in the features of functioning, but in the variety of terms that define this genre, e.g. phrasebook, conversation, dialogue, in German: Sprachbuch, Gesprächsbuch, Sprachführer, Konversationsbuch, etc. The analysis carried out is not only relevant for text linguistics but can also serve as a contribution to the formation of uniform principles for designing printed and electronic phrasebooks.

Keywords: *phrasebook, thematic group, communicative practice, intercultural communication, dialogue, appeal, proverb, linguistic picture of the world.*

Постановка проблемы. Дефиниции. История жанра

Практически каждый из нас хотя бы однажды пользовался двуязычными разговорниками. Именно они облегчали ориентацию в пространстве и элементарное общение в зарубежных поездках до широкого использования Интернета и различных электронных переводчиков и электронных разговорников.

Само название «разговорник» (бумажный или электронный) звучит не очень терминологично и связано с более ранним обозначением этого типа справочной литературы: разговоры, беседы, диалоги, переводчик, толмач и т.п., которые на разных временных этапах могли употребляться как синонимы. В отечественных толковых словарях, начиная со второй половины XIX века, зафиксированы два основных термина для обозначения понятия «разговорник»: разговорник и разговоры. Все остальные лексемы в словарях указаны лишь в своих основных значениях, не связанных с понятием «разго-

ворник». Термин разговоры применительно к разговорнику зафиксирован, например, в словаре В.И. Даля (1882 г.) в словарной статье «Разговор» с типичным для того времени определением: «<...> Французские разговоры, учебная книжка для этого языка» [1, с. 145].

Лексема «разговоры» трактуется уже как устаревшая в словарях, вышедших примерно через 50 лет после словаря Даля, например в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова (1939), а разговорник определяется здесь с указанием на его учебное предназначение как пособие по иностранному языку: «Разговор, <... > 4. только мн. То же, что разговорник (устар.). Английские разговоры; Разговорник, 1. пособие для изучения иностранного языка» [2, с. 156, Т. III].

Практически до конца XX века для объяснения термина «разговорник» используются лексемы, типичные для заголовков ранних разновидностей учебных пособий-разговорников – «разговоры» и «беседы», тогда как само толкование остается, по существу, неизменным, хотя именно в XX веке широкое распространение наряду с дорожными разговорниками для путешественников получают так называемые специализированные разговорники, прежде всего военные [3].

Новое толкование термина разговорник появляется лишь в словаре С.И. Ожегова (1989 г.), который, как указано в предисловии, подвергся значительной переработке не только с лингвистических, но и идеологических позиций [4]. Здесь впервые дается указание на коммуникативную направленность разговорника: «Разговорник, -а, м. 1. Пособие для общения с иностранцами – двуязычные (или многоязычные) образцы диалогов на определенные, обычно обиходные темы, с краткими словариками. <...>» [4, с. 152. Т. 4]. В приведенной дефиниции указывается на структуру разговорника («образцы диалогов на определенные, обычно обиходные темы») и определяется его назначение, направленное теперь на коммуникацию между носителями разных языков («пособие для общения с иностранцами»). Постепенное развитие международных связей и туризма, начиная с конца 80-х годов XX века, способствует распространению этого типа текста и закрепляет коммуникативную функцию разговорника в качестве основной.

На настоящий момент наиболее полное определение разговорника можно найти не в лингвистической литературе, а в «Большой энциклопедии»: «Разговорник, элементарное пособие, содержащее тщательно отобранный минимум слов и выражений, для общения на иностранном языке (в чужой стране). Р. может быть дву- и многоязычным, с отд. словами, целыми предложениями и фрагментами связного текста. Расположение материала, как правило, тематическое. Иностр. переводы даются либо в обычной записи, либо средствами облегченной транскрипции, основанной на алфавите языка того, кому предназначен Р. Существуют краткие Р. и более подробные –

с описанием страны пребывания, ее кухни и др. (тип простого путеводителя)» [5, с. 143. Т. 40].

В современном русском языке термин «разговорник» стал гиперонимом – общим понятием, включающим в себя такие гипонимы, как, например, дорожный («туристический»), учебный разговорник, военный разговорник и др., то есть специализированные отраслевые или «профессиональные разговорники» [6].

Русскому термину «разговорник» в немецком языке соответствует целый ряд обозначений, используемых в разное время в названиях соответствующих пособий: Sprachbuch, Sprachführer, Gesprächsbuch, Konversationsbuch, однако в словарях, как правило, получает объяснения только лексема „Sprachführer“. Например, в словаре Гриммов читаем: «Sprachführer – „gewöhnlich von einem buche, das einem reisenden anleitung und handreichung zur conversation in einer fremden sprache geben will” [7]. Словарь Duden [8] определяет Sprachführer как «используемые наиболее важные в повседневном общении слова и выражения иностранного языка с информацией об их произношении, а также основные правила грамматики». Представленное определение является наиболее полным, так как содержит указание на предполагаемую структуру разговорника, в отличие от определений других словарей, где внимание акцентируется на его функции – служить для общения туристов. Таким образом, немецким термином Sprachführer обозначается пособие с переводом необходимых для вербального взаимодействия с иностранцами слов и выражений, организованных тематически и в некоторых случаях содержащих фонетический и грамматический минимум.

Указание на двуязычный характер, вытекающее из многих дефиниций, значительно сужает многообразие разговорников, так как существуют и многоязычные издания, как, например, англо-французско-немецко-русский разговорник Сольмана [9].

Нельзя оставить без внимания привязанность представленных в разговорнике лексических единиц к определенным ситуациям, которая также отражается в дефинициях термина: «Разговорник – небольшая книга со словами и предложениями иностранного языка, которые применяются в различных ситуациях (например, «в отеле»)» [10], то есть отсюда вытекает и вторая проблема, связанная с отнесением разговорников к типу текста, – промежуточное положение между словарем и учебником.

Из второй проблемы вытекает и третья: адекватность перевода или эквивалента содержащихся в нем языковых единиц, которые в силу специфики не всегда отражают официальный перевод, а указывают на то, какотреагируют носители той или иной лингвокультуры в указанной ситуации. Сложности возникают, как правило, и при переводе безэквивалентной лексики (пословиц, поговорок, культурных реалий), а также при передаче коммуника-

тивных формул, которые функционируют в языке неотделимо от контекста, следовательно, должны быть приведены с пометами о том, по отношению к кому и в каких ситуациях они используются в другом языковом коллективе.

Помимо этого сложной и неизученной остается проблема соответствия коммуникативных ситуаций реальным. Несмотря на стремление воссоздать фактическую коммуникацию, разговор между людьми, многие фразы звучат искусственно или высокопарно, не отражают ситуативное окружение и вряд ли могут быть использованы в реальной коммуникации (см. примеры, приведенные ниже). Практическая направленность разговорника на применение зафиксированных в нем фраз требует их приближенности к жизни, на использование наиболее часто встречающихся в общении ситуаций, которые также могут быть культурно специфичны. Дальнейшая классификация и анализ разговорников помогут разработать нормы их составления с учетом недостатков и преимуществ изданий предыдущих эпох.

Исторически разговорник оформляется как жанр, когда возникает необходимость в успешном межкультурном взаимодействии, прежде всего в рамках развивающихся торговых связей, необходимости обучаться чужому языку и осуществлять коммуникацию. Уже в поздней античности и раннем Средневековье появляются первые предшественники современных туристических разговорников. Так, началом III века датируется двуязычный греческо-латинский учебник *Hermeneumata Pseudodositheana*, который служил для изучения как греческого, так и латинского языка [11, с. 111]. И в Германии, и в России двуязычные разговорники начинают появляться в XIII веке, первые же русско-немецкие и немецко-русские разговорники относятся к XVI–XVII векам [11] и связаны с налаживанием торговых отношений между двумя странами.

Важной специфической особенностью разговорников является их связь с историческим временем, проявляющаяся в отражении актуальной культурно-политической ситуации общения в определенный исторический период. Например, появившиеся первые немецко-русские письменные разговорники были результатом необходимости торгового общения между российскими и ганзейскими купцами и носили прежде всего коммерческий характер. Это развитие было позже прервано в связи с утратой коммуникативной практики. До широкого использования учебной литературы специфика разговорников заключалась и в том, что они так или иначе были связаны с образовательной парадигмой и использовались в обучении иностранным языкам. Позже развитие науки и техники и знание языка для общения на специальные темы привели к созданию специализированных разговорников. Особую разновидность представляют военные разговорники времен Первой и Второй мировых войн, значительно отличающиеся своей спецификой и принципами построения [12, с. 158]. Разговорники XX века советского периода (например, в уже не существующих странах СССР и ГДР) запечатлевают проводимую правитель-

ствами идеологическую линию, позволяя сделать выводы о степени ее влияния на коммуникацию людей. После устранения железного занавеса начинается эпоха массового туризма и жанр значительно видоизменяется. Другими словами, за много веков своего существования разговорники претерпевали изменения, подстраиваясь под соответствующую эпоху и учитывая актуальные жизненные реалии, что требует диахронических исследований не только их содержания, но и структуры.

Для того чтобы показать актуальность и специфику функционирования этих изданий в разных общественно-политических условиях и коммуникативных практиках, в качестве материала исследования в статье используются для сравнения русско-немецкие разговорники советского и постсоветского времени, а также немецко-русские разговорники этого же периода [13–20].

Разговорник как тип текста

Жанр разговорника, являясь одним из самых неизученных в лингвистических работах, представляет собой, однако, обширное поле для исследований, которые актуальны не только с исторической точки зрения (древний разговорник – уникальное свидетельство жизни языкового сообщества в определенную эпоху), но также дидактической (могут служить основой для создания пособий по развитию навыков устной речи) и практической (изучение жанра в его историческом развитии позволит выработать универсальные правила составления разговорников).

Представляя собой «собрание некоторого количества изолированных или связанных между собой фраз (реплик) на родном языке вместе с их переводом на неродной (иностраннй) язык» [21, с. 172], разговорник относится к разновидностям словаря с преобладающей функцией перевода [6, с. 14], занимая промежуточное положение между последним и учебником по развитию навыков устной речи, то есть между лексикографической и дидактической литературой.

Вопрос о принадлежности разговорника к особому типу текста не поднимался в лингвистических работах и не затрагивался в известных классификациях, между тем понимание разговорника как связного текста или собрания разрозненных, хотя и тематически организованных фраз важно для его практического анализа. Так, С.И. Дубинин, анализируя военные разговорники для солдат вермахта, пишет о динамике текстотипа [12]. Г.А. Левченко рассматривает российские словари-разговорники в типологическом и социолингвистическом аспектах [6], а Б.Ю. Норман уже в заглавии своей статьи ставит почти провокационный вопрос: «Жанр разговорника: между текстом и языком?» и однозначно определяет разговорник как замкнутую «совокупность тематически и стилистически ограниченных текстов» [21, с. 176], что во мно-

гом коррелирует с точкой зрения В. Хюллена, рассматривающего разговорники как тексты, служившие необходимым подспорьем для изучения иностранного языка [22, с. 49].

Если основываться на таких предложенных Бринкером характеристиках текста, как «содержит более одного предложения» (*mehr als einen Satz umfasst*) и «обладает различимой коммуникативной функцией» (*eine erkennbare kommunikative Funktion signalisiert*) [23, с. 51], то разговорник может однозначно рассматриваться как текст (или собрание текстов, если одна статья разговорника – это один связный текст). Однако, чтобы отнести языковое единство к тексту, необходимо учесть ряд критериев текстуальности [24, с. 153]. Среди них: 1) различимая тематическая структура; 2) логика в построении; 3) функция или цель, которые необязательно выражены эксплицитно; 4) начало и конец [25, с. 194]. Что касается первого критерия, то, как уже отмечалось выше, именно тематическое построение разговорника – одна из его особенностей, которая лежит в основе разговорника и обуславливается его целью. Критерий логики в построении прослеживается в содержании и соответствует цели каждого отдельно взятого издания. Функция разговорника состоит в обеспечении «минимума общения в заранее очерченных коммуникативных ситуациях» [21, с. 182]. Четвертый критерий разговорники выполняют на двух уровнях. Если рассматривать весь разговорник как один текст, то начало знаменуется, как правило, предисловием или оглавлением, а конец – алфавитным списком лексем или, в редких случаях, местом для заметок, то есть дополнений. Если рассматривать одну статью разговорника как текст, а весь разговорник как собрание текстов, то заглавие маркирует начало, а точка в конце последнего предложения – конец текста. Таким образом, исходя из указанных критериев текстуальности, разговорники можно рассматривать как связные тексты, которые с лингвистической точки зрения могут быть проанализированы не только на уровне предложений, но и на уровне текстов.

Функции разговорника как типа текста

Являясь незаменимым помощником для общения с иностранцами, разговорник не ограничивается одной этой функцией и обладает целым рядом признаков, не свойственных другим типам текста, что придает его изучению междисциплинарный характер.

Практическая функция разговорника. Как уже отмечалось, возникновение жанра было обусловлено необходимостью в общении, приобретавшем все большую актуальность с ростом и развитием контактов между определенными регионами. Народы, которые вели торговлю друг с другом, вступали в браки, нанимали на службу иностранцев или воевали, должны были объ-

ясняться со своим партнером по коммуникации [24, 30]. Для этой цели «с голоса» составлялись первые разговорники: авторы записывали часто используемые в повседневной речи слова и выражения с их переводом на иностранный язык [11, с. 146]. Первые немецко-русские разговорники возникли в XVI–XVII веках в контексте развивающихся торговых связей: Ганзейский союз вел торговлю с русскими городами, начиная с XII века. В 1192 году в Новгороде был основан «Немецкий двор» для поселения немецких купцов. Во время расцвета ганзейско-русской торговли в XIV–XV веках число проживавших там немцев достигало 200 [24, S. 31]. К первым разговорникам, возникшим как результат этих деловых отношений, относят Разговорник Томаса Шрове (*Gesprächsbuch von Thomas Schrowe*) (1546), анонимный русско-нижненемецкий разговорник 1568 года «*Ein Rusch Boeck*» и русско-нижненемецкий разговорник Тонниса Фенне (*Gesprächsbuch des Tönnies Fenne*), который был составлен в 1607 году в Пскове и считается самой объемной работой подобного рода [24, S. 32]. Последний составлен таким образом, что после тематически организованных списков слов и краткого грамматического справочника следует большое собрание диалогов, необходимых прежде всего для ведения торговли [26].

Дидактическая функция. До создания грамматик и учебных пособий разговорники использовались для обучения иностранным языкам. Для этой цели в Средние века составлялись словари, которые включали в себя и отдельные фразы [27, с. 43–44]. Заучивание наизусть зафиксированных в форме диалогов или монологов фраз, слов или словосочетаний было нацелено на развитие навыков устной иностранной речи. Вследствие того, что на протяжении нескольких веков разговорники активно использовались в преподавании, они приобретали воспитательную и социокультурную функцию, презентуя обучающимся помимо языковых знаний модели поведения и правила этикета [28, с. 2]. Даже во второй половине XX века, уже при наличии накопленного опыта, обобщенного в значительном количестве учебников и пособий по изучению иностранных языков, можно найти разговорники, содержание которых направлено скорее на усвоение необходимых в заграничной поездке разговорных тем, нежели на «обеспечение минимума общения» [29, с. 153]. Так, немецко-русский разговорник 1959 года [14] в первой части *Allgemeines* предлагает почти на двадцати страницах лишь самый необходимый объем общей информации, подразделенной на кратко освещенные темы *Begrüßung und Vorstellung*, *Verabredung und Verabschiedung*, *Auf der Straße* (*Auskunft*), *Wochentage*, *Monatsnamen*, *Datum*, *Grund- und Ordnungszahlen*, *Uhrzeit und Alter*. Вторая часть *Freundschaftstreffen* может уже читаться как связный текст, представляющий собой диалог двух друзей, и, соответственно, предполагает владение участниками коммуникации знаниями языка, на котором происходит диалог, в данном случае – русского. Отдельные фразы, вы-

рванные из контекста, едва ли можно отнести к коммуникативному минимуму (Ich auch, besonders Walzer und Tango – Я тоже, особенно вальс и танго [14, с. 34]; Meine Klasse steht im Briefwechsel mit einer Schulklasse aus Komсомольск am Amur – Мой класс переписывается с одним классом школы в Комсомольске-на-Амуре [14, с. 27]) и не могут быть использованы самостоятельно. О предполагаемом составителе и издателе знания языка свидетельствуют отсутствие транслитерации русского текста и несвойственная другим разговорникам третья колонка с грамматическими парадигмами русских слов: «пригласить *vo.* (приглашу, -гласишь, -гласят) *einladen*», «вечеринка, -и *Abendgesellschaft, Tanzabend*» [14, с. 34], что позволяет сделать вывод о дидактической, учебной функции разговорника.

Разговорник как источник исторической информации. Будучи направленными, прежде всего, на практическое применение в процессе коммуникации, разговорники естественным образом подстраиваются под реалии и язык, отражающие современную им эпоху. Исключительная актуальность для того или иного отрезка времени делает их уникальным источником историко-культурной информации. Изменения в общественно-политической системе общества требовали переработки не только тематической структуры разговорника, но и содержания, так как реалии определенной эпохи, идеология и способ восприятия мира стремительно меняются, ввиду чего разговорники теряют актуальность быстрее, чем грамматики, учебники или словари [21, с. 175]. При этом они приобретают ценность как своеобразные исторические памятники эпохи, своего рода лингвокультурологическая квинтэссенция определенного отрезка исторического развития общества. Так, в начале Второй мировой войны мы находим следующие выражения, актуальные только для того времени: Где председатель колхоза?, Ты коммунист?, Руки вверх!, Буду стрелять!, Сдавайся! [30]. Интересно, что в русский вариант разговорника были добавлены отсутствующие в английской и французской версиях выражения: Мы сражаемся только против мужчин! У нас достаточно продовольствия! Мы пленных не убиваем! [30]. Сделать вывод об изменении тактики ведения военных действий и коммуникативных практик по одному разговорнику, естественно, сложно. Вероятно, что целью подобных высказываний было откровенное введение в заблуждение противника.

В разговорнике, изданном незадолго до войны в столице Пруссии, который озаглавлен как «немецкий-русский», нет ни одной буквы русского алфавита, что наглядно демонстрирует отношение немцев к русской культуре: изучение даже нескольких выражений языка противника представлялось лишним необходимостью. Таким образом, в разговорнике находят свое отражение не только реалии той эпохи, но и намерения немцев перед началом войны: Die Arbeit beginnt um 5 Uhr am Morgen – Rabota natschinajetssja w pjatj

tschassow utra, Arbeitet schneller – Rabotajitje sskorjeje!, Füttert das Vieh – Pokormitje sskot, Holt den Mist auf den Feld – Wositje nawos na polje [31].

Советские разговорники послевоенного периода изобилуют историческими реалиями, связанными с различными организациями:

– Мы прибыли из СССР по приглашению Общества германо-советской дружбы – Wir sind aus der Sowjetunion auf Einladung der Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft gekommen [13, с.107];

– Я член ВЛКСМ (Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи) – Ich bin Mitglied des Komsomols (des Leninschen Kommunistischen Jugendverbandes der Sowjetunion) [13, с.109];

– Я член Общества Красного Креста и Красного Полумесяца – Ich bin Mitglied der Gesellschaft des Roten Kreuzes und Roten Halbmondes UdSSR [14, с. 236];

– Вы приглашены на заседание исполнительного бюро Международной демократической федерации женщин? – Sind Sie zur Sitzung des Exekutivbüros der Internationalen Demokratischen Frauenföderation eingeladen? [14, с. 237];

– Вы член СЕПГ? – Sind Sie Mitglied der SED? [14, с. 239];

– Когда ближайшее заседание Народной палаты (Палаты Земель) ГДР? – Wann ist die nächste Sitzung der Volkskammer (der Länderkammer) der DDR? [16, с. 112];

– Мы хотели бы встретиться с членами Всемирного Совета Мира – Wir möchten mit den Mitgliedern des Weltfriedensrates zusammenkommen [16, с. 114];

– Wie kommt man zur Landwirtschaftlichen Unionsausstellung? – Каким образом можно попасть на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку? [17, S. 47];

– An der Ausstellung beteiligen sich die besten Kolchase und Sowchase der Sowjetunion – В выставке принимают участие лучшие колхозы и совхозы Советского Союза [18, S. 49].

Интересно, что в разговорнике 1959 года [13] мы находим следующий тост: За мирное воссоединение Германии! – Auf die friedliche Wiedervereinigung Deutschlands. В переиздании того же разговорника от 1972 года [14] этот тост был вырезан редакторами, что объяснимо в контексте возведения стены и накала отношений между ГДР и ФРГ.

Разговорник как источник информации о языке. Древние разговорники являются не только историческим, но также языковым памятником. Так, *Sprachbuch von Georg von Nürnberg*, составленный в 1424 году, показывает, что ранненовонемецкий язык был богаче на разговорные оттеночные частицы (auch, denn, doch, ja, nur, wohl), чем ранее предполагалось, и включение в язык которых обычно приписывают Мартину Лютеру. Поскольку разговорники того времени составлялись «с голоса», можно предположить, что по-

добные частицы уже примерно за 100 лет до Лютера были свойственны разговорной речи [32, с. 136].

В советских разговорниках представлены фразы, которые с точки зрения современного состояния русского языка воспринимаются как не соответствующие языковой норме:

– Давайте выкупаемся? – Wollen wir baden? [14, с. 62];

– Что с меня следует? – Was macht's? Wieviel bin ich schuldig? [14, с. 67];

– Пожалуйста, кофе глясе со сбитыми сливками. – Bitte Eiskaffee mit Schlagsahne [16, с. 132];

– Спасибо, я не пью вина – Danke, ich trinke keinen Wein [19, с. 136].

В современном разговорном языке более привычными являются вопросы «Давайте покупаемся (искупаемся)?» и «Сколько с меня?», кофе и десерты со «взбитыми сливками». Кроме того, глагол «пить» требует после себя винительного падежа, следовательно, «я не пью вино». Подобные различия могут свидетельствовать о постепенном изменении языковых норм.

Эстетическая функция. Разговорники часто отмечают бытовые факты, возможно, более нигде не упомянутые. Из них мы получаем информацию о таких деталях человеческой жизни отдаленной эпохи, как одежда, еда, жилище, цены и т.д. [28, с. 115]. В этом отношении они близки к художественным текстам. Разговорники, которые помимо необходимых для общения фраз содержат минимум страноведческой информации, полезной для иностранца в заграничной поездке, рисуют некую картину ушедшей реальности. В проанализированных разговорниках, например, неоднократно упоминаются такие устаревшие или устаревающие реалии, как телеграммы (в разговорнике 1959 года [14] им посвящена целая статья), пленки, кассеты, телефон-автомат, патефон, пластинки и т.д.:

– Мне нужно проявить пленку – Ich möchte den Film entwickeln lassen [14, с. 47];

– Мне нужно зарядить кассету – Ich muss einen neuen Film in die Kassette einlegen [14, с. 47];

– Где здесь телефон-автомат? – Wo ist hier eine Telefonzelle? [18, с. 101];

– Мне нужна... пластинка/пленка с записью.../кассета – Ich brauche... eine Schallplatte/ ein Tonband mit Aufnahmen von... /eine Kassette [18, с. 115];

– Ich schlage vor, daß wir morgen zu einem Tanzabend bei meinen Bekannten gehen. Ich bringe ein Grammophon und Schallplatten mit. Es wird gemütlich und lustig sein – Я предлагаю вам пойти завтра к моим знакомым на вечеринку. Я принесу патефон и пластинки, приятно и весело проведем время [20, S. 34];

– Ist für mich kein Telegramm (Brief) eingetroffen? – Нет ли для меня телеграммы (письма)? [17, S. 55].

В немецко-русском разговорнике 1979 года упоминается ныне не существующее деление железнодорожных вагонов на жесткие и мягкие:

Eisenbahn: Wegen der großen Entfernungen innerhalb der Sowjetunion sind die Züge, die zwischen den Großstädten verkehren, meist Schlafwenzüge. In diesen Zügen unterscheidet man nicht zwischen 1. und 2. Klasse, sondern zwischen мягкий вагон = weicher Wagen und жесткий вагон = harter Wagen. Die Liegebänke im мягкий вагон sind gepolstert, im жесткий вагон sind sie ungepolstert. In jedem Falle werden aber auf die Bänke vor dem Schlafengehen ein Aufleger und Bettwäsche aufgelegt [20, с.47].

Ушли в прошлое и такие реалии советского быта, как названия духов, сигарет, марки машин и др.

Особый культурный фон создают пословицы и поговорки. Однако, только в одном из проанализированных разговорников находим статью «Пословицы». Выбор включенных в нее языковых единиц отчасти специфичен, но, по видимому, также отражает актуальные для советского времени ценности:

– Любишь кататься, люби и саночки возить. – Wer den Kern essen will, muß die Nuß knacken [14, с. 44];

– Куй железо пока горячо. – Man soll das Eisen schmieden, solange es heiß ist [15, с. 45];

– Дело мастера боится – Das Werk lobt den Meister [15, с. 45];

– Большому кораблю – большое плавание. – Große Schiffe machen große Fahrt [15, с. 45];

– Хлеб-соль ешь, а правду режь – Trink, was klar ist, iß, was gar ist, sprich, was wahr ist [15, с. 45].

В других рассмотренных нами разговорниках пословицы не встречаются даже в неформальных диалогах, что объясняется, во-первых, сложностями их перевода (соответствия), во-вторых, невозможностью оценить, характерна ли эквивалентная лексическая единица для повседневной речи представителей другого языкового сообщества, и, в-третьих, тем фактом, что пословицы вряд ли следует относить, особенно при минимальном владении языком, к необходимому для общения с иностранцем коммуникативному минимуму.

Идеологическая функция. В определенные этапы исторического развития общества разговорники использовались как средство пропаганды или даже запугивания населения. Известно, что немецкие министры отправляли солдатские разговорники в книжные магазины Турции как напоминание о военной мощи Третьего Рейха. Только когда сотрудник посольства изъял все экземпляры полевого немецко-турецкого разговорника для военнослужащих, конфликт разрешился [33].

Что касается содержания, то в разговорниках времен Советского Союза отражалась не только идеология государства, но и прямая пропаганда коммунистических ценностей:

– Коммунизм утверждает на земле мир, труд, свободу, равенство, братство и счастье всех народов – Der Kommunismus bringt der Welt Frieden, Arbeit, Freiheit, Gleichheit, Brüderlichkeit und Glück aller Völker [14, с. 254];

– Советский народ построил социализм – Das Sowjetvolk hat den Sozialismus aufgebaut [14, с. 252];

– Наша цель – построение коммунистического общества – Unser Ziel ist die Errichtung der kommunistischen Gesellschaft [14, с. 253].

В изданном в 1959 году русско-немецком разговорнике присутствует целая статья «Дружба», в которой мы находим следующие фразы:

– Да здравствует дружба народов! – Es lebe die Völkerfreundschaft! [16, с. 108];

– Пусть будет между нами нерушимая дружба – Möge eine unverbrüchliche Freundschaft uns verbinden [16, с. 108].

В немецко-русском разговорнике того же года издания стоит нейтральный тост «за дружбу»:

– Ich möchte einen Toast auf unsere Freundschaft ausbringen – Я хочу провозгласить тост за нашу дружбу [17, с. 75].

Статья «мир» в русско-немецком разговорнике представлена следующими фразами:

– Да здравствует мир во всем мире – Es lebe der Weltfrieden [19, с. 109];

– Мы боремся за прочный мир – Wir kämpfen für einen dauerhaften Frieden [19, с. 109];

– Слава борцам за мир! – Ruhm und Ehre den Friedenskämpfern! [19, с. 109].

Пафос представленных высказываний усиливается в контексте самого факта их включения в разговорник, который теоретически должен состоять только из основных, необходимых для общения с иностранцами фраз.

Разговорник как источник информации о межкультурных контактах. Разговорники предоставляют важную для межкультурной коммуникации информацию. Во-первых, сам факт наличия разговорников свидетельствует о существовании культурных или экономических контактов между языковыми сообществами. Во-вторых, по разнообразию разговорников можно судить об интенсивности этих контактов. В-третьих, разговорники позволяют исследовать не только восприятие иностранцами России и русских, но и отношение русских к западноевропейцам, а также этапы сближения двух культур [29, с. 123]. Так, в разговорнике Фенне отношения между немцами и русскими показаны большей частью как доброжелательные и равноправные, и представлено множество разговоров на тему приглашения и угощения:

– Komme bitte zu meiner Freude...- Приди, пожалуйста, ко мне в радость...

– Kommen Sie bitte zu mir als Gäste, essen Sie Brot und Salz, die Gott uns schickt – Гостите, пожалуйста, у меня здесь да ежьте, пожалуйста, хлеб и соль, что бог зашлет [26].

Кроме того, разговорники иллюстрируют разницу в рассматриваемых в рамках межкультурной коммуникации как отдельной дисциплины поняти-

ях, например вежливости и этикета. В то время как русский разговорник [14] даже при отказе придерживается общего вежливого тона, немецкий того же года [20] включает следующие фразы:

– Ich warte schon eine halbe Stunde auf Sie – Я жду вас уже полчаса;

– Wir haben noch den ganzen Tag vor uns – У нас впереди еще целый день [20, с. 23].

С точки зрения русской культуры подобный диалог может восприниматься как обмен упреками. Помимо этого в немецком разговорнике находим вопрос о возрасте, который сам по себе в определенных контекстах считается невежливым, а ответная фраза «Я думал (-а), что вы старше» звучит оскорбительно:

– Wie alt sind Sie? – Сколько вам лет?

– Ich habe Sie für älter gehalten – Я думал(-а), что Вы старше [17, с. 23].

Разговорники предоставляют информацию о разнице в **коммуникативных ритуалах** и позволяют исследовать их в диахронии. Так, в немецко-русском разговорнике 1969 года [20] в статьях *Anreden, Begrüßung, Bitte/Wunsch* приведена подробная информация о различиях в употреблении основных коммуникативных формул. Особый интерес представляет подобное описание в первой статье, так как описанные в ней реалии обращений уже устаревшие:

Personen die man nicht näher kennt, redet man in der UdSSR im allgemeinen mit Genosse товарищ [ta'vari/t/] – auch in der Bedeutung Genossin, wenn man sich an eine weibliche Person wendet – oder mit Bürger bzw. Bürgerin гражданин, гражданка [grazda'nin, grazda'nka] an... Alle oben erwähnten russischen Anreden können nur zusammen mit dem Namen, Titel oder einem hinweisenden Fürwort gebraucht werden [20].

Необычный ритуал прощания находим в главе *Freundschaftstreffen* из немецко-русского разговорника [20]. «Дружба!» как коммуникативная формула прощания является нетипичной в современном языковом поведении носителей русского языка и отражает ценности людей советской эпохи:

– Ich hoffe, daß wir uns bald wiedersehen – Я надеюсь, что мы скоро снова увидимся;

– Auf jeden Fall! Ich wünsche Ihnen alles Gute – Непременно! Желаю вам всего хорошего;

– Freundschaft! – Дружба! [20, S. 34].

В нескольких разговорниках приводится следующая формула прощания:

– Lebt wohl, liebe Freunde! – Прощайте, дорогие друзья! [19, с. 21];

– Прощайте, друзья! – Lebt wohl, Freunde! [16, с. 79].

В русско-немецких разговорниках более позднего периода подобные формулы с торжественной стилистической окраской отсутствуют, что позволяет сделать вывод об их постепенном выходе из употребления.

Выводы и перспективы

Таким образом, выделенные функции разговорника как особого, культурно специфичного, многофункционального типа текста расширяют его ограниченную практическим применением цель и оправдывают дальнейшие исследования этого типа текста в различных областях гуманитарных наук. Актуальность его лингвистических исследований определяется не только выработкой определенных кодифицированных норм составления разговорников, но и приобретением новых знаний о состоянии языка отдаленных от нас эпох или историческом развитии межкультурных контактов.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – 2-е изд. – СПб.: Типогр. М.О. Вольфа, 1882.
2. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1934–1939.
3. Баева Г.А. Развитие типа текста «разговорник»: между словарем и учебником (на материале ранних немецко-русских и русско-немецких разговорников) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете X. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2020. (В печати).
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1989.
5. Большая энциклопедия: в 62 т. – М.: ТЕРРА, 2006.
6. Левченко Г.А. Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2007. – 21 с.
7. Grimm J. und W. Deutsches Wörterbuch in 33 Bänden. Deutscher Taschenbuch Verlag. – München 1999.
8. Duden Deutsches Universalwörterbuch in 6 Bänden. – Mannheim: Dudenverlag, 1998.
9. Разговорник Сольмана: Иллюстрированный англо-французско-немецко-русский разговорник. – М.: Кредо, 1992. – 272 с.
10. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.langenscheidt.com/geheimtipps/gw-daf> (дата обращения: 11.02.2020).
11. Баева Г.А. Коммуникативные практики и их реализация в первых двуязычных разговорниках // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете IX. Диалогическое взаимодействие текстов и дискурсов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2019. – С. 110–130.
12. Дубинин С.И. Военный разговорник для солдат вермахта: динамика текстотипа // Вестник Самар. ун-та. История, педагогика, филология. – 2016. – С. 153–161.
13. Кудрявцев М.С., Неверов С.В. Русско-немецкий разговорник. – 2-е изд. – М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1959. – 205 с.
14. Кудрявцев М.С., Ступникова Т.С., Федосюк Н.А. Русско-немецкий разговорник. – Изд. перераб. и доп. – М.: Прогресс. 1972. – 461 с.

15. Сорокин Г.А., Попов М.Н. Русско-немецкий разговорник. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. языка, 1991. – 281 с.
16. Братусь И., Потаман А., Андриющенко Е. Русско-немецкий разговорник. – СПб.: Аквилон, 1992. – 73 с.
17. Dick G., Knipper A. Deutsch-russisches Gesprächsbuch – Volk und Wissen Volkseigener Verlag Berlin, 1959. – 187 с.
18. Newerow S., Portugalow N. Deutsch-russischer Sprachführer 5. Auflage, Verlag für fremdsprachige Literatur. – Moskau, 1960. – 181с.
19. Zajczeuko L., Walewski S. Langescheidts Sprachführer Russisch. Langescheidt KG. – Berlin und München, 1969. – 192 с.
20. Grimm H-J. Sprachführer Deutsch-russisch – VEB Verlag Enzyklopädie. – Leipzig, 1979. – 196 s.
21. Норман Б.Ю. Жанр разговорника: между текстом и языком // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 171–186.
22. Hüllen W. Kleine Geschichte des Fremdsprachenlernens. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2005. – 184 S.
23. Brinker K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. – Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH & Co, 2005. – 179 S.
24. Klemm M. Wie hältst Du's mit dem Textbegriff? Pragmatische Antworten auf eine Gretchenfrage der (Text-)Linguistik // Fix, Ulla (Hrsg.) Brauchen wir einen neuen Textbegriff? – Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2002. – BS. 143–162.
25. Schwitalla J. Gesprochenes Deutsch. Eine Einführung. – Berlin: Schmidt, 1997. – 265 S.
26. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Bd. 2. Transliteration and Translation / eds. L.L. Hammerich, R. Jakobson. – Kopenhagen: Munksgaard, 1970. – 566 p.
27. Haß-Zumkehr U. Deutsche Wörterbücher – Brennpunkt von Sprach- und Kulturgeschichte. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2001. – 411 S.
28. Сидорова О.Г. Учебные англо-русские разговорники XVIII – начала XIX веков // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2016. – С. 109–120.
29. Пушкарев Л.Н. Освоение русского языка иностранцами в конце XVI–XVII вв. // Вопросы истории. – 2004. – № 6. – С. 121–128.
30. Резяпкин А. Разговорники вермахта 1940 г.: французский, английский, русский [Электронный ресурс]. – 2008. – URL: <https://archives-ru.livejournal.com/133220.html> (дата обращения: 11.02.2020).
31. Островский А.В. 22 июня ровно в 4 часа. Мы ничего не забыли [Электронный ресурс]. – 2007. – URL: https://vladnews.ru/ev/vl/2162/5114/iyunya_govno (дата обращения: 11.02.2019).
32. Horst J. Zur Problematik einer Geschichte der deutschen Abtönungspartikeln. Fallstudien anhand eines Sprachlehrbuchs von 1424 // Sprachwissenschaft 21. – 1996. – S. 262–300.
33. Война разговорников [Электронный ресурс]. – 2010. – URL: <http://lingvomania.info/2010/vojna-razgovornikov.html> (дата обращения: 11.02.2020).

References

1. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivago velikorusskogo iazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. 2-nd ed., Saint Petersburg, Tipografiia M.O. Vol'fa, 1882.
2. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. D.N. Ushakov. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1934–1939.
3. Baeva G.A. Razvitie tipa teksta “razgovornik”: mezhdru slovarem i uchebnikom (na materiale rannikh nemetsko-russkikh i russko-nemetskikh razgovornikov) [Development of the “phrasebook” type of text: between a dictionary and a textbook (based on early German–Russian and Russian–German phrasebooks)]. *Nemetskaia filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete X*, Saint-Petersburg University, 2020 (in print).
4. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo iazyka [Dictionary of the Russian language]. Ed. N.Iu. Shvedova. 21-st ed., Moscow, Russkii iazyk, 1989.
5. Bol'shaia entsiklopediya [Great encyclopedia]. Moscow, TERRA, 2006.
6. Levchenko G.A. Slovar'-razgovornik v Rossii: tipologicheskii i sotsiolingvisticheskii aspekty [Dictionary-phrasebook in Russia: Typological and sociolinguistic aspects]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 2007, 21 p.
7. Grimm J. und W. Deutsches Wörterbuch in 33 Bänden. Deutscher Taschenbuch Verlag, München, 1999.
8. Duden–Deutsches Universalwörterbuch in 6 Bänden. Mannheim, Dudenverlag, 1998.
9. Razgovornik Sol'mana: Illiustrirovannyi anglo-frantsuzsko-nemetsko-russkii razgovornik [Solman phrasebook: Illustrated English–French–German–Russian phrasebook]. Moscow, Kredo, 1992, 272 p.
10. Langenscheidt Großwörterbuch: Deutsch als Fremdsprache. Available at: <https://www.langenscheidt.com/geheimtipps/gw-daf> (accessed 11.02.2019).
11. Baeva G.A. Kommunikativnye praktiki i ikh realizatsiya v pervykh dvuizychnykh razgovornikakh [Communicative practices and their realization in the first bilingual phrasebooks]. *Nemetskaia filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. Dialogicheskoe vzaimodeistvie tekstov i diskursov IX*, Saint-Petersburg University, 2019, pp. 110–130.
12. Dubinin S.I. Voennyi razgovornik dlia soldat vermakhta: dinamika tekstotipa [Military phrasebook for soldiers of the Wehrmacht: dynamics of text type]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya*, 2016, pp. 153–161.
13. Kudriavtsev M.S., Neverov S.V. Russko-nemetskii razgovornik [Russian–German phrasebook]. 2-nd ed., Moscow, Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1959, 205 p.
14. Kudriavtsev M.S., Stupnikova T.S., Fedosiuk N.A. Russko-nemetskii razgovornik [Russian–German phrasebook]. Moscow, Progress, 1972, 461 p.
15. Sorokin G.A., Popov M.N. Russko-nemetskii razgovornik [Russian–German phrasebook]. 4th ed., Moscow, Russkii iazyk, 1991, 281 p.
16. Bratus' I., Potaman A., Andriushchenko E. Russko-nemetskii razgovornik [Russian–German phrasebook]. Saint-Petersburg, Akvilon, 1992, 73 p.
17. Dick G., Knipper A. Deutsch-russisches Gesprächsbuch. Volk und Wissen Volkseigener Verlag Berlin, 1959, 187 p.

18. Newerow S., Portugalow N. Deutsch-russischer Sprachführer. 5. Auflage, Verlag für fremdsprachige Literatur, Moscow, 1960, 181 p.
19. Zajczeuko L., Walewski S. Langescheidts Sprachführer Russisch. Langescheidt KG, Berlin und München, 1969, 192 p.
20. Grimm H.-J. Sprachführer Deutsch-russisch. Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1979, 196 p.
21. Norman B.Iu. Zhanr razgovornika: mezhdru tekstem i iazykom [Conversation book: Between text and language]. *Zhanry rechi*, Saratov, College, 2002, iss. 3, pp. 171–186.
22. Hüllen W. Kleine Geschichte des Fremdsprachenlernens. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2005, 184 p.
23. Brinker K. Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2005, 179 p.
24. Klemm M. Wie hältst Du's mit dem Textbegriff? Pragmatische Antworten auf eine Gretchenfrage der (Text-)Linguistik. *Fix, Ulla (Hrsg.) Brauchen wir einen neuen Textbegriff?* Frankfurt am Main, Peter Lang, pp. 143–162.
25. Schwitalla J. Gesprochenes Deutsch. Eine Einführung. Berlin, Schmidt, 1997, 265 p.
26. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Bd. 2. Transliteration and Translation. Eds. L.L. Hammerich, R. Jakobson. Kopenhagen, Munksgaard, 1970, 566 S.
27. Haß-Zumkehr U. Deutsche Wörterbücher: Brennpunkt von Sprach- und Kulturgeschichte. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2001, 411 p.
28. Sidorova O.G. Uchebnye anglo-russkie razgovorniki XVIII – nachala XIX vekov [English-Russian phrasebooks of the late 18th – early 19th centuries as textbooks]. *Otechestvennaia i zarubezhnaia pedagogika*, 2016, pp. 109–120.
29. Pushkarev L.N. Osvoenie russkogo iazyka inostrantsami v kontse XVI–XVII vv. [Mastering the Russian language by foreigners at the end of the 16th–17th centuries]. *Voprosy istorii*, 2004, no. 6, pp. 121–128.
30. Reziapkin A. Razgovorniki vermakhta 1940 g.: frantsuzskii, angliiskii, russkii [Phrasebooks of the Wehrmacht 1940: French, English, Russian]. Available at: <https://archives-ru.livejournal.com/133220.html> (accessed 11.02.2020).
31. Ostrovskii A.V. 22 iunia rovno v 4 chasa. My nichego ne zabyli [June 22, 4:00 am. We have not forgotten anything]. Available at: https://vladnews.ru/ev/vl/2162/5114/iyunya_rovno (accessed 11.02.2019).
32. Horst J. Zur Problematik einer Geschichte der deutschen Abtönungspartikeln. Fallstudien anhand eines Sprachlehrbuchs von 1424. *Sprachwissenschaft*, vol. 21, 1996, pp. 262–300.
33. Voina razgovornikov [The war of phrasebooks]. Available at: <http://lingvomania.info/2010/vojna-razgovornikov.html> (accessed 11.11.2020).

Сведения об авторах

БАЕВА Галина Андреевна

e-mail: *baevaga@mail.ru., g.baeva@spbu.ru*

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, заведующая кафедрой иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

СОКОЛЮК Мария Александровна

e-mail: *sokolyuk_mari@mail.ru*

Магистр, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

About the authors

Galina A. BAEVA

e-mail: *g.baeva@spbu.ru*

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Linguodidactics, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Mariya A. SOKOLYUK

e-mail: *sokolyuk_mari@mail.ru*

Master's Student, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)